

УДК 316.35.023.4+314.93

Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России

Г. А. Кантемирова

Кантемирова Галина Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, cantem.galina@yandex.ru

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на динамику структуры семьи в России и ее изменение. В России последствия «второго демографического перехода» проявляются, в частности, в том, что растет количество неофициальных «хрупких» семей, а это ведет к увеличению числа неполных семей с одним родителем. Основным отличием России и постсоветских стран в области динамики типов структуры семьи является то, что в настоящее время здесь имеет место наложение эффектов социальной дестабилизации, связанной с крушением социалистической идеологии и экономики и общих для всей Европы явлений так называемого второго демографического перехода. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей. В литературе комплекс этих изменений называется «плюрализация», «дестандартизация» или «индивидуализация» общества. Такие наименования связаны с тем, что происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяется отходить все дальше.

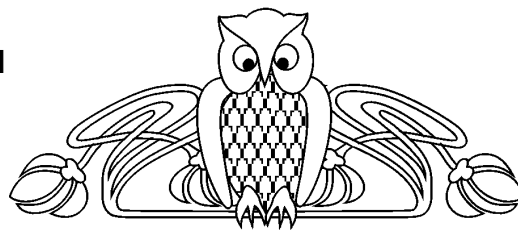
Ключевые слова: социальная динамика, тип брака, структура семьи, демографический спад.

Specific Features of Family Structure Dynamics Types in Russia

G. A. Kantemirova

Galina A. Kantemirova, <https://orcid.org/0000-0002-5107-7628>, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 44–46 Vatutina St., Vladikavkaz 362025, North Ossetia – Alania, Russia, cantem.galina@yandex.ru

The article considers the major factors affecting family structure dynamics in Russia and its change. The consequences of “the second demographic transition” are shown, in particular the growth in the number of informal “fragile” families caused the increase in the number of incomplete single-parent families. The main difference between Russia and the Post-Soviet countries in the field of family structure types dynamics is overlapping effects of social destabilization caused by the crash of socialist ideology and economy and the phenomena of the so-called “second demographic transition”, general for the whole Europe. This large-scale demographic transformation in the sphere of the family relations presents general decrease in the number of mar-

riages, increase in specific weight of officially unregistered families, and increase in the number of children born out of official marriages and change of the traditional sequence of events: even more often children appear before official marriage. The complex of these changes is called “pluralization”, “dестандартизация” or “individualization” of society. Such terms are connected with the weakening traditional ideas on the forms and sequence of events in the family sphere: now it is allowed to depart from strict following prescribed canons more and more.

Keywords: social dynamics, marriage type, structure of family, demographic recession.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>

Основные факторы, влияющие на динамику структуры семьи в России, очевидно, совпадают с таковыми в других странах. Спецификой нашей страны является наличие нескольких периодов сильно выраженной социальной нестабильности, пришедшихся на довольно короткий промежуток времени – XX в. В этот период произошла значительная трансформация традиционного понятия «мать» и ее роли в жизни. Идея социального равенства между мужчинами и женщинами стала основой для пересмотра термина «мать» со сменой контекста: «мать как родитель» сменялась понятием «мать как социальная единица». Процесс эмансипации женщин, начавшийся еще в конце XIX в., значительно ускорился, распространился на все слои общества и привел к появлению социального типа «новой женщины». Труд женщины должен быть ценен с точки зрения общества, государства, работников и его потребностей, он не должен состоять только из работы по дому и ухода за детьми.

Во второй половине XX в., произошло некоторое смягчение социального отношения к материнству. В 1956 г. советские женщины начали получать помощь по беременности и родам. Все беременные женщины получили возможность на освобождение от работы по причине рождения ребенка. Были другие льготы для беременных женщин, которые начали появляться в этот период.

Новая тенденция усилилась в эпоху «брежневского застоя» (1964–1982): в 1970 г. появился список недоступных для женщин профессий из-за риска для здоровья. В тот же период были проведены независимые исследования в области семьи и материнства. Главное место среди поставленных в этих работах проблем занимает проблема гармонизации распределения различных ресурсов между сферами социально-экономической и семейной жизни.

Современные преобразования в России не решили старых проблем. Распад СССР ознаменовал собой начало еще одного периода социальной нестабильности, который вызвал, в частности, выраженный демографический спад, нарушение в отношениях между поколениями, утрату традиционных способов обмена социальным опытом и формирование среды взаимодействия супругов и ребенка.

В 1990-х гг. снижение числа родившихся происходило одновременно со значительным снижением числа зарегистрированных браков на фоне общего демографического спада. Этот показатель в 1998 г. достиг своего минимального значения (849 000). В последующие годы наблюдался рост количества зарегистрированных браков, и в 2011 г. оно достигло значения в 1 316 000. Таким образом, в период 1998–2011 гг. произошло увеличение количества вновь заключенных браков на 55%.

Отмечался и рост количества разводов. Так, их абсолютное число достигло максимума в 2002 г. (854 000). В дальнейшем оно существенно уменьшилось и к 2005 г. составило 605 000. В дальнейшем колебания были менее заметны, и к 2012 г. показатель количества разводов составил 642 000.

Наиболее заметно увеличилась в России доля семейных пар, не регистрирующих брак официально, и поэтому доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, за анализируемый период выросла особенно значительно. Так, в период до первой половины 1980-х гг. доля детей, родившихся вне официального брака, была относительно низка и составляла около 11%. Затем последовал период весьма быстрого роста, и этот показатель к 2005 г. достиг значения в 30%. В последние годы тенденция роста прекратилась и сменилась некоторым понижением (до 24,6% в 2011 г.)¹.

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что к 2010 г. неполные семьи с одинокими женщинами во главе составляли 26,8%

от числа семейных ячеек с детьми до 18 лет. В таких семьях воспитывались 25,5% от общего числа детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных как проживающие в семьях. Распространенность неполных семей с детьми выше в городской местности, по сравнению с сельской, что согласуется с более высокой долей разводов в городах. Можно предположить, что именно прекращение брачно-партнерских отношений вследствие развода в настоящее время является ведущим фактором изменения относительных характеристик распространенности одиноких женщин с детьми.

Такие разнонаправленные изменения могут свидетельствовать о том, что сдвиги в количественных характеристиках распространенности неполных семей были производными от структурных изменений более общего порядка. Во-первых, изменения возрастной структуры населения России характеризовались абсолютным и относительным сокращением юных женщин до 20 лет с высоким риском рождения детей «без отца», что, вкупе со снижением рождаемости (и частоты незапланированных беременностей) у юных матерей, по-видимому, и обусловило сокращение абсолютного числа одиноких женщин с детьми до 18 лет. Во-вторых, сокращалось общее число семейных ячеек при одновременном росте среди них числа супружеских пар без детей. В результате в общем числе семейных ячеек доля семей одиноких женщин с детьми до 18 лет повысилась.

Объяснить эти явления можно с помощью концепции демографических переходов и, в частности, происходящего в настоящее время в Европе так называемого второго демографического перехода³. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности

Таблица 1

Количество неполных семей с матерями-одиночками в общей структуре семейных отношений в России²

Категории населения	Число одиноких женщин, имеющих детей до 18 лет, млн чел.	Доля неполных семей одиноких женщин с детьми до 18 лет в общем числе семейных ячеек с детьми до 18 лет, %	Доля детей, воспитываемых одинокой женщиной-матерью в общем числе детей до 18 лет, живущих в семьях, %
2002 год			
Все население	5,6	26,8	24,0
2010 год			
Все население	5,0	21,1	25,5
Городское население	3,8	22,1	26,9
Сельское население	1,2	18,9	22,5

событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей⁴. В литературе комплекс этих изменений называется «плюрализация»⁵, «дестандартизация»⁶ или «индивидуализация»⁷ общества. Такие наименования связаны с тем, что происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяет отходить все дальше⁸. Этим пользуется все большее количество людей, выбирающих те формы структуры семьи, которые более всего соответствуют их личным и прагматическим устремлениям⁹.

Страны бывшего социалистического лагеря позже других европейских стран вступили в этот период, но соответствующие изменения происходили в них более быстро. Это связано с тем, что имело место наложение по времени таких разнородных факторов, как социально-экономическая нестабильность, вызванная форсированным демонтажем социалистической экономики, и социально-психологический шок, связанный с разрушением коммунистической идеологии¹⁰.

Процесс такой трансформации можно наблюдать наглядно. Так, в исследовании, проведенном на материале 19 стран, в том числе и России, было показано, что младшие возрастные группы склонны к более свободному поведению в этой сфере, они демонстрируют большую вариабельность структур семьи, чем представители старших возрастных групп¹¹.

В этой связи интересно выполнить сравнение основных показателей, влияющих на социальную динамику в семейной сфере на материале стран Западной и Восточной Европы, включая Россию (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, иллюстрируют важные и многочисленные различия между странами Западной и Восточной Европы. Так, противоположные тренды наблюдаются в области занятости женщин. Это связано с тем, что, как было сказано выше, социалистическая идеология предполагала максимальную интеграцию женщин в социальную и экономическую

жизнь общества. Этим объясняются изначально высокие показатели занятости женщин в странах социалистического лагеря¹³. После распада этого лагеря либерализация в области экономики и идеологии привела к снижению доли работающих женщин, а во Франции, наоборот, произошло некоторое увеличение этой доли.

Социальная и экономическая нестабильность конца XX в. не могла не отразиться на таком базовом показателе, как уровень рождаемости. Если в странах Западной Европы он оставался стабильным или несколько вырос, как во Франции, то в странах Восточной Европы и в России произошло обвальное снижение этого показателя. Интересно, что страны Центральной Европы, такие как Чехия, легче пережившие смену режимов, испытали это изменение в значительно меньшей степени, чем Россия¹⁴.

Наиболее значительные изменения на протяжении рассматриваемого периода в странах Восточной Европы и в России произошли в области структуры семьи и были связаны со значительным ростом распространенности неофициальных браков (сожительства) и количества детей, рожденных в таких браках¹⁵. Хотя в нашей стране такая форма брака начала распространяться еще до падения СССР, основной рост этого показателя пришелся на постсоветский период¹⁶.

Для всех европейских стран в последнее время было характерно увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Это связано, с одной стороны, с возросшими рыночными требованиями к человеку, необходимостью дольше учиться и больше времени тратить на достижение карьерных результатов¹⁷. Так, для молодых образованных женщин стоимость рождения ребенка сильно возросла, если учесть те потери, которые возможны из-за этого в карьерном росте и в доходах¹⁸. С другой стороны, малообразованные люди в условиях социальной нестабильности наиболее уязвимы, именно они в первую очередь теряют работу и средства к существованию. Это заставляет их в таких условиях осмотрительней относиться к вопросу о рождении детей и, как ни парадоксально, приводит

Таблица 2
Основные демографические индикаторы, связанные со структурой семьи в различных странах Европы¹²

Социально-демографические показатели	Франция		Румыния		Россия	
	1990	2006	1990	2006	1990	2006
Рождаемость	1,78	1,98	1,84	1,32	1,90	1,29
Возраст вступления в брак (муж.)	27,7	29,2	23,9	25,3	21,6	27,5
Возраст вступления в брак (жен.)	29,8	31,2	27,2	28,6	24,3	29,0
Возраст рождения первенца	27,0	27,8	22,7	25,1	22,6	24,2
Внебрачная рождаемость, %	30,1	50,5	4,0	29,0	14,6	29,8
Занятость женщин, %	46,0	50,3	59,9	47,9	60,0	56,3

к тем же выводам, что и высокообразованную часть населения¹⁹.

Таким образом, в России, как и в других странах, последствия «второго демографического перехода» проявляются, в частности, в том, что растет количество неофициальных «хрупких» семей, а это ведет к увеличению числа неполных семей с одним родителем. В целом советская система обеспечивала возможность женщине в одиночку растить детей, однако она содержала в себе элемент стигматизации, негативно выделяя одинокого родителя (мать) из общества.

Положение таких семей ухудшилось с распадом СССР, когда на фоне общего экономического спада сократилась и их реальная социальная поддержка²⁰. Такие явления постсоветского периода, как сокращение социальной поддержки в отношении одиноких матерей и их детей наряду с сокращением на рынке труда при изначальном гендерном неравенстве на нем, привели к тому, что неполные домохозяйства стали одними из самых бедных и социально незащищенных в стране²¹.

Основным отличием России и постсоветских стран в области динамики типов структуры семьи является то, что в настоящее время здесь имеет место наложение эффектов социальной дестабилизации, связанной с крушением социалистической идеологии и экономики и общих для всей Европы явлений так называемого второго демографического перехода. Эта масштабная демографическая трансформация в сфере семейных отношений заключается в общем снижении брачности, повышении удельного веса официально незарегистрированных семей, росте количества детей, рожденных вне официального брака, и изменении традиционной последовательности событий: все чаще дети появляются до официального вступления в брак их родителей. Происходит все большее ослабление традиционных представлений о формах и последовательности событий в семейной сфере: от жесткого следования предписанным канонам в настоящее время позволяет отходить все дальше. Этим пользуется все большее количество людей, выбирающих те формы структуры семьи, которые более всего соответствуют их личным и прагматическим устремлениям.

Примечания

- ¹ См.: Российский статистический ежегодник 2002–2012 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.11.2014).
- ² См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. Т. 6. Число и состав домохозяйств. М. : Федер. служба госстатистики, 2012.
- ³ См.: *Van de Kaa D. J.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, iss. 1. P. 1–59.

- ⁴ См.: *Billari F. C., Liefbroer A. C.* Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? // *Advances in Life Course Research*. 2010. Vol. 15, № 2–3. P. 59–75.
- ⁵ См.: *Bruderl J.* Family change and family patterns in Europe. 2003. URL: www.nuff.ox.ac.uk/projects/changeequal/papers.asp?selbut=2 (дата обращения: 12.09.2016).
- ⁶ См.: *Mills M.* Stability and Change : The Structuration of Partnership Histories in Canada, the Netherlands and the Russian Federation // *European Journal of Population*. 2004. Vol. 20, iss. 1. P. 141–175.
- ⁷ См.: *Billari F. C.* Choices, Opportunities and Constraints of Partnership, Childbearing and Partnering. 2004. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.569.6987&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 11.10.2016).
- ⁸ См.: *Furstenberg F. F., Kennedy S., McLoyd V. C., Rumbaut R. G., Settersten R. A.* Growing up is harder to do // *Contexts*. 2004. Vol. 3, iss. 3. P. 33–41.
- ⁹ См.: *Sobotka T., Toulemon L.* Overview Chapter 4 : Changing Family and Partnership Behavior : Common Trends and Persistent Diversity Across Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19, № 6. P. 85–138.
- ¹⁰ См.: *Jensen A.-M.* Partnership and Parenthood in Contemporary Europe : A Review of Recent Findings // *European Journal of Population*. 1998. Vol. 14, iss. 1. P. 89–99.
- ¹¹ См.: *Elzinga G., Liefbroer A.* Destandardization of Life Trajectories of Young Adults : A Crossnational Comparison Using Sequence Analysis // *European Journal of Population*. 2007. Vol. 23, iss. 3–4. P. 225–250.
- ¹² См.: *Potarca G., Mills M., Lesnard L.* Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France : Towards the Second Demographic Transition? // *European Journal of Population*. 2013. Vol. 29, iss. 1. P. 69–101.
- ¹³ См.: *Motiejunaite A.* Women's Employment in Eastern Europe – Towards More Equality? // *Inblick Osteuropa*. 2008. Vol. 1. URL: <http://www.inblick.org/?p=2/articles/16/motiejunaite.html> (дата обращения: 12.03.2017).
- ¹⁴ См.: *Philipov D., Kohler H.-P.* Tempo Effects in the Fertility Decline in Eastern Europe : Evidence from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Russia // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 28, iss. 1. P. 37–60.
- ¹⁵ См.: *Hoem J. M., Kostova D., Jasilioniene A., Mures C.* Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe : Union Formation as a Demographic Manifestation // *European Journal of Population*. 2009. Vol. 25, iss. 3. P. 239–255.
- ¹⁶ См.: *Gerber T., Berman D.* Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985–2000 : Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition // *European Journal of Population*. 2010. Vol. 26, iss. 1. P. 3–31.
- ¹⁷ См.: *Bavel J. van.* Choice of Study Discipline and the Postponement of Motherhood in Europe : The Impact of Expected Earnings, Gender Composition and Family Attitudes // *Demography*. 2010. Vol. 47. P. 439–458.
- ¹⁸ См.: *Mills M., Rindfuss R. R., McDonald P., Velde E.* Why do People Postpone Parenthood? Reasons and Social Policy Incentive // *Human Reproduction Update*. 2011. Vol. 17, iss. 6. P. 848–860.

¹⁹ См.: Perelli-Harris B., Sigle-Rushton W., Kreyenfeld M., Lappegard T., Keizer R., Berghammer C. The Educational Gradient of Childbearing within Cohabitation in Europe // Population and Development Review. 2010. Vol. 36, iss. 4. P. 775–801.

²⁰ См.: Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в

России // Экономика и социальная политика : гендерное измерение / под ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 36–63.

²¹ См.: Овчарова Л. Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 5. С. 439–456.

Образец для цитирования:

Кантемирова Г. А. Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 162–166. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>

Cite this article as:

Kantemirova G. A. Specific Features of Family Structure Dynamics Types in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 162–166 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>
